

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-111-122

Е.Н. ЧерноземоваМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

О Шекспире в школе (повесть Г. Шмидта «Битвы по средам»)

Аннотация. Цель статьи – обратить внимание на важность и своевременность проведения уроков по зарубежной литературе в школьном курсе, в частности, на знакомство школьников с творчеством Шекспира, с особенностями его художественных достижений, глубиной философской и эстетической мысли, которые способствуют нравственному развитию и, оказываясь усвоенными на приемлемом пока еще школьном уровне, служат основой для развития интереса к высокой литературе, воспитанию художественного вкуса. Автор статьи сделаны ссылки на более ранние публикации, в которых им поднималась сходная тема и были изложены методы опроса школьников, направленные на выявление понимания и усвоения ими устойчивых в современной культурной среде выражений, таких как «быть или не быть», понятия человеческого достоинства, представлений о вечных литературных образах, в частности, образе Гамлета. Подспорьем для продолжения намеченного разговора стал анализ художественных наблюдений, сделанных в повести американского писателя, создающего произведения для детей и подростков, Гэри Шмидта «Битвы по средам», увидевшей свет в 2007 г. и появившейся в русском переводе О. Варшавер в 2019 г. В повести воспроизведен ряд ситуаций из жизни семиклассника, в которых отражаются отголоски шекспировских текстов, что помогает ему в понимании, освоении и присвоении великих шекспировских идей, которые в свою очередь служат подростку подсказками при принятии важных решений, влияют на становление его личности, духовный рост, воспитание чувств и эстетических предпочтений. Учителям и родителям, безусловно, полезно знакомство с текстом этой повести.

Ключевые слова: Шекспир в школьном изучении, Шекспир в оценке школьников, шекспировские темы и образы в современной литературе, Г. Шмидт

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Черноземова Е.Н. О Шекспире в школе (повесть Г. Шмидта «Битвы по средам») // Литература в школе. 2022. № 6. С. 111–122. DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-111-122

DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-111-122

E.N. ChernozemovaMoscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

On Shakespeare at school (the story by G. Schmidt “The Wednesday Wars”)

Abstract. The article aims to draw attention to the importance and timeliness of conducting lessons on foreign literature in the school course, in particular, to get pupils acquainted with the Shakespearean creative works, the peculiarities of his artistic achievements, the depth of his philosophical and aesthetic thought, which stimulate their moral development and, being learned at an acceptable school level, serve as a basis for developing interest in serious literature, breeding of artistic taste. The article makes references to the author's earlier publications, in which a similar topic was raised and methods of interviewing schoolchildren, aimed at identifying their understanding and taking the modern cultural set-phrases, such as “to be or not to be”, the concept of human dignity, ideas connected with eternal literary images, in particular, with the image of Hamlet. The analysis of artistic observations made in the story “The Wednesday Wars” by the American author Gary Schmidt, who creates works for children and teenagers (his story was published in 2007 and was translated into Russian by O. Varshaver in 2019), became an aid to continue the planned conversation. The story reproduces a number of situations from the life of a seventh-grader, in which echoes of Shakespearean texts are reflected. These situations help the teenager to understand, master and adapt great Shakespearean ideas, which in turn serve as hints to him to make important decisions, influence his personality development, spiritual growth, feelings and aesthetic preferences. It is certainly useful for teachers and parents to get acquainted with the text of this story.

Key words: studying Shakespeare's oeuvre in school, assessing Shakespeare by schoolchildren, Shakespeare's themes and images in modern literature, G. Schmidt

CITATION: Chernozemova E.N. On Shakespeare at school (the story by G. Schmidt «The Wednesday Wars»). *Literature at School*. 2022. No. 6. Pp. 111–122. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2022-6-111-122

Вопрос о месте уроков зарубежной литературы в школе обсуждается давно. Их важность не подлежит сомнению. В последней трети XX в. председатель шекспировской

комиссии РАН А.А. Аникст, выслушав сетования на недостаточность часов на зарубежную литературу в школе, заметил, что ни одному довоенному учителю не пришло бы в голову

сказать, что у него не осталось времени на «Гамлета» [2].

В 1990-е гг. с помощью учителей, слушателей ФПК, был проведен опрос школьников 5–11 классов, позволивший проследить, как формируется представление о вечных литературных образах и связанных с ними важных понятиях и идеях, в числе которых было представление о достоинстве [3; 4].

Ощутить особенности подросткового восприятия шекспировских текстов помогают и интересные наблюдения, сделанные в художественной прозе.

В 2007 г. свет увидела повесть «Битвы по средам» американца Гэри Шмидта (Gary D. Schmidt) [6], которого принято считать писателем для детей и подростков. Ее содержание и манера изложения дают представление о том, как подросток-семиклассник воспринимает шекспировские тексты. Повесть написана от имени Холлинга Вудвуда, мальчика из хорошей семьи: его отец – глава архитектурной корпорации. Структурно текст делится по месяцам учебного года – от сентября до июня включительно. Текст хорошо передает психологию подростка и уровень его способности воспринять великие идеи, подаваемые в художественной форме. Повесть полезно прочитать учителям и родителям, склонным порой завышать, а порой и недооценивать возможности школьников.

Имя Холлинг отчасти созвучно известнейшему Холдену из повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951) [1]. Холлинг в отличие от Холдена не протестный, достаточно успешный, довольно покладистый, умеющий выстраивать отношения с одноклассниками, он часто робок

в выражении своей точки зрения, но так же, как персонаж Сэлинджера, начитан и так же допускает в речи, хотя, может быть, и в меньшей мере, сленговые молодежные словечки и выражения. В его жизни, казалось бы, нет ничего героического и даже все отчасти как-то по-дурацки. Но Шекспир многое в нем меняет.

Действие повести отнесено к 1967 г., времени войны во Вьетнаме, взлета популярности «Битлз», протестного движения молодых, выборов и убийства Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Писатель воспроизводит возрастные особенности персонажа, мотивы его поступков и, что немаловажно, обозначает круг его читательских интересов и его реакции на прочитанное.

В силу возраста Холлинг не имеет достаточного жизненного опыта и допускает порой нелепые ошибки в оценках поведения людей, как это происходит при восприятии отношения к нему учителя английского языка миссис Бейкер, в прошлом серебряной призерки Олимпийских игр в Мехико в эстафете четыре по сто метров (об этом герой узнает только в марте, готовясь к городскому кроссу). Холлинг считает, что миссис Бейкер его «ненавидит лютой ненавистью» – и это первое предложение повести [6, с. 7], самое ее начало, первые слова, обозначающие завязывающийся конфликт. Утверждение повторено в первом разделе повести много раз – для мамы, папы и сестры в отдельности. Холлинг убежден в своем восприятии происходящего, но словно бы ждет то ли сочувствия, то ли опровержения предчувствий. На самом деле нацеленная на успех и умеющая добиваться успеха миссис Бейкер дает Холлингу обычные учебные и хозяйственные

поручения, направленные на его личностный рост и нравственное воспитание: он единственный из класса не посещает церковную школу по средам. Именно ненавистью к себе Холлинг объясняет задание учительницы прочитать Шекспира: «Читать Шекспира. Ишь, чего учудила! Учителя заставляют детей читать Шекспира, когда хотят уморить их окончательно. Насмерть. Особо изощренным способом. Она собирается убивать меня медленно, еженедельно, целых восемь месяцев! Кто ж это выдержит?» [6, с. 73].

Протест вызван отнюдь не любовью к чтению. Холлинг достаточно начитан, но его читательские интересы пока еще весьма подростково-детские. Его увлекает неоромантика «Острова сокровищ» Р.Л. Стивенсона, которого он читал четыре раза, дважды перечитывал «Похищенного» и «Черную стрелу», осилил «Зов предков» Дж. Лондона и дочитал до половины «Айвенго», считая В. Скотта занудным [Там же, с. 22]. Через подобные читательские оценки автор дает почувствовать возрастные особенности своего персонажа и акцентуацию его характера – мечтательного, романтически настроенного на подвиг, недовольного своей робостью и нерешительностью в ряде ситуаций, о которых он рассказывает честно.

Заметим, что многочисленные отсылки к шекспировским текстам, которые учительница предлагает прочитать и освоить Холлингу, создают особую атмосферу повести и, безусловно, влияют на ее стилистику. Наблюдения за присвоением подростком смыслов и за его оценками стилистических особенностей шекспировского текста дают возможность современным учителям

вернуться к вопросу о том, нужен ли Шекспир в школе.

Завороженный подвигами Джима Хокинса, угнавшего в «Острове сокровищ» у пиратов шхуну «Испаньолу» и мужественно ждущего с двумя пистолетами на верхней перекладке мачты поднимающегося к нему с кинжалом боцмана Израэля Хендса [Там же, с. 25], семиклассник обнаруживает не менее напряженные и острые ситуации в «Венецианском купце» Шекспира, хотя в его оценке Стивенсон все еще стоит неизмеримо выше драматурга эпохи Возрождения: «“Венецианский купец” оказался неплохой вещицей, нескудной. Хотя до Стивенсона Шекспиру, конечно, далеко. И все, что связано с ростовщиком Шейлоком, поначалу показалось жуткой тяготиной. Но потом он себя проявил! Он готов вырезать у Антонио сердце, если тот просрочит с выплатой по векселю. Ведь и Джон Сильвер поступил бы точно так же! А потом входит Порция и произносит слова, от которых все вообще с ног на голову переворачивается. Она говорит, что

Земная власть тогда подобна Божьей,
Когда с законом милость сочетается.

Когда миссис Бейкер прочитала эти слова, у меня аж мурашки по всему телу побежали» [Там же, с. 83].

Семиклассника увлекает не только остросюжетная сторона произведения, но оказываются понятными глубокие шекспировские слова о природе милосердия, поскольку они накладываются на личный опыт Холлинга, судьба которого напрямую зависит от отношения к нему и его успехам учителей и родителей. Именно потому он сочувственно повторяет следующие слова Порции о «милости»,

которая «не действует по принуждению» и признается: «Меня эти слова прямо до нутра пробрали» [6, с. 85].

Но по-настоящему Холлинга захватывает шекспировская «Буря», которая в его оценке «...оказалась даже лучше “Венецианского купца”. Если честно, “Буря” почти затмила “Остров сокровищ”, а это, сами понимаете, дорогого стоит» [Там же, с. 93]. Привлекательными оказываются «и шторм на море, и покушения всякие, и ведьмы с волшебниками, и невидимые духи, и революция <...> А главное, там есть злое чудище по имени Калибан» [Там же, с. 93].

Прочитав «Бурю», Холлинг открывает для себя смысл кем-то когда-то остроумно придуманных кличек живущих в классном живом уголке крысам Калибану и Сикораксе. Не без иронии автор показывает, что в шекспировской поэтике семиклассника, прежде всего, привлекают и оказываются по достоинству им оцененными смачные ругательства, которые он без труда запоминает: «Даже брат Дуга Свитека так не ругается, а уж он-то умеет. Иногда такое сказанет – желтый школьный автобус покраснеет от стыда. Я решил выучить все шекспировские проклятия. Хотя достоверно не знал, что они означают. Ну и пусть. Главное, произносить их поубедительнее. Смачно. Я принялся тренироваться у себя в комнате» [Там же, с. 95].

Потом Холлинг, а вслед за ним и его одноклассники неоднократно к месту применяют шекспировские проклятия в школьной жизни и на бейсбольных матчах, насылая на головы обидчиков «всех жаб и гадов, чары Сикораксы» или «нечистую росу гнилых болот, которую собирают вороновым колдовским пером»

[Там же, с. 94]. Шекспировские цитаты, демонстрирующие начитанность, наполняют школьное пространство и оказываются предпочтительнее тех, от которых может покраснеть желтый школьный автобус. Они дают простор и возможность открытия собственного словотворчества, когда Холлинг соединяет слова из двух разных мест пьесы: «Водяной дуй на вас, о дьявольские твари» [Там же, с. 101].

Семиклассником усваивается шекспировская стилистика, расширяются способы донесения мысли. Своими познаниями Холлинг охотно готов поделиться с директором школы, прищемившим палец: «...произнес он, конечно, не “О-о-о!”, а совсем-совсем другое слово. Получилось не так красочно, как у Шекспира, и не так выразительно, как читает Шекспира миссис Бейкер, но вполне внушительно.

Директор приподнял голову. Лицо у него было красное. <...>

– Еще можно: “Пусть вредная роса падет на вас”. – Я был готов поделиться с ним всем, что выучил» [Там же, с. 99–100].

Познакомившись с текстом пьесы, воспитанный Холлинг считает, что сама учительница ее не читала, поскольку не стала бы рекомендовать школьнику, зная, что в ней «столько непотребства», и крайне удивлен, когда миссис Бейкер, узнавая цитату, обнаруживает свое знакомство с текстом произведения [Там же, с. 103]. Но, конечно, Шекспира читают не для того, чтобы выучить выразительные ругательства. Не менее удивляет подростка пронизательность учительницы, когда он слышит: «Кстати, – произнесла за моей спиной миссис Бейкер, – учителя изучают Шекспира с детьми вовсе не для того, чтобы их уморить»

Она читает мои мысли! Я так опешил, что, конечно, обернулся на голос миссис Бейкер» [6, с. 76].

Постепенно меняется отношение подростка к учителю и смыслу поручаемых заданий. Для проверки усвоения и понимания текстов миссис Бейкер дает Холлигу проверочный тест в сто пятьдесят вопросов: «Сто пятьдесят! Да самому Шекспиру на добрую половину этих вопросов слабó ответить!» – считает Холлинг. Задание сопровождается учительской репликой: «Кстати, в тесте нет ни одного вопроса по крепким выражениям, которые употребляет Калибан, – добавила миссис Бейкер. – Их-то вы точно усвоили, можно не проверять» [Там же, с. 108]. Это еще раз убеждает Холлинга в том, что у учителей есть особый ген, позволяющий им видеть учеников насквозь. Тест такого же объема был и по итогам осваиваемых друг за другом «Венецианского купца» и «Макбета», в котором Холлинг путает сходно звучащие имена персонажей. Отметив ошибочные ответы, учитель предлагает школьнику прочитать художественный текст повторно и самостоятельно исправить допущенные неточности. Это вызывает внутренний протест ученика, но в итоге с заданием он справляется [Там же, с. 109].

Усвоение шекспировских образов и присвоение великих идей происходит непросто. Постепенно они пронизывают сознание и наполняют сновидения Холлинга: «В ту ночь мне приснился брат Дуга Свитека, только он был Шейлоком и стоял надомной с футбольным мячом в руках. И готовился запулить мне его прямо в лицо – за то, что я его вырубил» [Там же, с. 85]; «В ту ночь мне снился Калибан, который подозрительно

смахивал на Данни Запфера. Он сидел в ногах моей постели и рассказывал, как ужасно – весь обметанный прыщами и волдырями – закончу я свое земное существование» [Там же, с. 113].

Выполнение школьных заданий приводит Холлинга в самодеятельную шекспировскую труппу городка, где все восхищаются его знанием шекспировского текста, и он получает роль духа воздуха Ариэля в «Буре», что его радует и тревожит одновременно, поскольку на сцене он должен появиться в желтых колготках с перьями [Там же, с. 123]. Больше всего его страшит, что все обернется насмешками в школе, что отчасти и происходит, но этому предшествует триумф предрождественского спектакля, на котором присутствуют несколько одноклассников, их родители, учителя, в том числе и миссис Бейкер. Холлинг убеждается в силе шекспировской драматургии, видя слезы на глазах зрителей и зал, аплодирующий стоя [Там же, с. 154–155].

В дружбе Холлинга с одноклассницей Мирил Ковальски проблескивает отсылка к «Ромео и Джульетте», поскольку Холлинг и Мирил являются отпрысками глав конкурирующих архитектурных корпораций. Отношения их отцов далеки от дружелюбия. Обе фирмы участвуют в конкурсе проектов нового школьного комплекса. Обе рассчитывают на заключение выгодного контракта. На самом первом внешкольном свидании в День Святого Валентина подростки обмениваются замыслами отцов, что приводит к скандалу в ходе защиты проектов и размолвке подростков по вине Пола Ковальски, заимствующего идеи Вудвуда. Это дает возможность Холлиngu заметить, что переживаемые им и вокруг него страсти оказываются

посильнее шекспировских: «Я вам так скажу: писал Шекспир неплохо. Но если б он знал, что у нас тут происходит – про нас с Мирил, про брата Дуга Свитека и про миссис Бейкер, – он бы завернул сюжет покруче» [6, с. 85]. Этим Холлинг обнаруживает характерный для подростка способ чтения – все соотносить с личным опытом и днем сегодняшним. Им еще не освоен перенос в исторически иные обстоятельства. Он знает, что существует другой способ чтения, но он взрослый, учительский, для него непостижимый.

Менее всего понятной Холлингом оказывается пьеса о самых юных героях Шекспира. Темп ее чтения соотносим с темпом происходящих в ней событий, а оценка персонажей обнаруживает непонимание глубины смысла происходящего: «В начале февраля миссис Бейкер велела мне прочитать “Ромео и Джульетту”. Я одолел пьесу за три вечера. Скажу прямо: в Камильской средней школе этой парочке пришлось бы туго. И не потому, что Ромео носил колготки – как, во всяком случае, явствовало из иллюстраций¹. Просто он не очень-то умный».

В оценке поведения своей ровесницы Джульетты Холлинг еще более категоричен: «И у Джульетты по части ума слабовато. Что за идиотизм: выпить снадобье, которое тебя почти убьет? Что значит почти? Человек или жив, или мертв, почти не считается. И вот эта умница пьет такое

¹ Отметим сложности в работе руководителей современных школьных театральных коллективов, которым с трудом удается убедить школьников использовать трико в костюмах на балу в доме Капулетти. Об этом, в частности, говорил на встрече с педагогической общественностью руководитель театральной студии школы имени А.Н. Тубельского.

снадобье, а Ромео потом пьет снадобье, которое его совсем убьет. <...> История – зашибись. Таким героям, пожалуй, и в школу надо с провожатыми ходить. <...> А вот миссис Бейкер со мной не согласилась. Она вообще не видит, что у Ромео с Джульеттой непорядок с головой. Потому что она – учитель, а учителя читают книги совсем не так, как нормальные люди» [Там же, с. 237].

Вспомним, что Холден Колфилд, центральный персонаж «Над пропастью во ржи» Сэлинджера был несколько старше Холлинга Вудвуда, ему 17 лет, но также не был в восторге от Ромео, по вине которого погиб самый яркий персонаж трагедии Меркуцио. Об этом Холден сообщает в разговоре с монашками в привокзальном буфете. Холлинга Вудвуда пока не трогает даже этот весельчак Меркуцио, будто бы шагнувший в трагедийный мир из высокой комедии.

Постепенно Холлингом оказываются усвоенными слова миссис Бейкер о том, что Шекспир «писал, чтобы приоткрыть нам, что значит быть человеком» и «при этом выбирал самые удивительные и прекрасные слова, которые существуют в нашем языке» [Там же, с. 194]. Но пока ему непонятно отношение к пьесе ни Мирил, ни миссис Бейкер, которые видят в ней романтическое, прекрасное и трагическое.

После совместного чтения пьесы с миссис Бейкер Холлинг отчасти меняет свое отношение к произведению: «Неплохая пьеса, в общем. Но Ромео все равно недотепа. <...> Жаль, его не посетила тень Банко, чтоб мозги вправить. Да и Калибан был бы кстати в этой пьесе – например, кинжал бы у Ромео стибрил. <...> Шекспир молодец, хорошо сочинил

про подземелье, факелы, мечи и прочее. Надо было и в другие сцены тако- го насовать» [6, с. 246].

Может быть, было бы полезно рас- сказать Холлингу, так внимательно относящемуся ко снам, о значении сновидений для Ромео и обратить его внимание на монолог Меркуцио о фее Маб, насылающей на людей сны [5].

Важным для Холлинга оказывает- ся замечание миссис Бейкер о том, что Джульетте было ничего не нужно от Ромео и что для женщины важно, сколько души ей отдают [6, с. 247]. Эта установка позволяет Холлингу проявить трезвомыслие, взрослость и великодушие, заметив заплаканные глаза Мирил после размолвки, вызван- ной скандалом при защите проектов, и неудачной попытке объясниться. Он понимает, что она не шпионила на свидании, как он поначалу подумал. Тогда, заподозрив обман и пре- дательство, он сам разрыдался, как первоклассник. Но проявив проница- тельность, он понял, что Мирил толь- ко совершила оплошность и в силу своего доверия отцу рассказала ему лишнее, а узнав о произошедшем на защите проектов, противостояла ему, не простив содеянного. Поняв это, Холлинг идет в дом Ковальски для примирения с Мирил, не менее отважно, чем Ромео, проникающий в сад кровных врагов, чтобы объяс- ниться с Джульеттой.

В ходе переосмысления всего слу- чившегося в его жизни меняется вос- приятие подростком происходящего в шекспировской трагедии. Оскор- бленный, как ему казалось, ковар- ством Мирил, он написал в сочинении по пьесе: «Шекспир часто приоткры- вает нам, что значит быть человеком. Например, в “Ромео и Джульетте” он предупреждает, что нельзя быть

очень доверчивым, нельзя доверять людям <...> Если бы Ромео не позна- комился с Джульеттой, все у него сло- жилось бы хорошо. Но их свели звез- ды, а против звезд не пойдешь. Они познакомились, а потом у нее воз- никла куча планов, о которых она даже не потрудилась ему рассказать, и в результате он принял яд и умер. Это хороший урок нам на всю жизнь» [Там же, с. 261].

Переосмыслив все правильно, поняв весь драматизм событий в семье Мирил, он меняет оценку происходя- щего в пьесе и переписывает сочи- нение: «Шекспир часто приоткрыва- ет нам, что значит быть человеком. Например, в “Ромео и Джульетте” он предупреждает, что очень трудно одновременно любить и свою семью, и девушку Джульетту. <...> Если бы Ромео не познакомился с Джульеттой, они жили бы до сих пор. Но нужна ли им такая жизнь? Об этом Шекспир и призывает нас подумать» [Там же, с. 263–264]. Найдя в себе мужество пойти на примирение с Мирил, с которой он был по-гамлетовски груб и холоден, уладив размолвку, он представляет Ромео и Джульетту – как они идут куда-то рука об руку и говорят друг другу: «Какие же мы олухи!» [Там же, с. 267].

К марту Холлингом прочитан «Юлий Цезарь», и все школьные трудности марта – городской кросс и открытые уроки – укладываются для него в понятие «мартовские иды»², означающее время судьбонос- ных испытаний.

Со временем не только шекспи- ровские проклятия и ругательства входят в мир Холлинга. Отца Мирил,

² Отметим, что в 1948 г. увидел свет одно- именной роман Т. Уайлдера.

который привез подростков из театра после спектакля по «Ромео и Джульетте», изумляют реплики их прощания: «Уже светает, – произнесла она. – Увы, тебе пора»; «Пусть эти очи смежит сладкий сон» [6, с. 254]. Глубокие шекспировские мысли проникают в сознание школьника. Он начинает замечать черты Шейлока в отце, радующемся чужим неудачам, стремящемся распорядиться судьбой дочери, старшей сестры Холлинга, не считаясь с ее желаниями и устремлениями, и задумывается, как складывается его собственная судьба: «...или мы оба (вместе с отцом. – *Е.Ч.*) – шуты судьбы? Как Ромео» [Там же, с. 268]. Размышления о взаимоотношениях с отцом возникают и в разговоре с миссис Бейкер, наблюдающей за тем, как вечно занятый отец Холлинга пренебрегает страстным желанием сына побывать на открытии бейсбольного сезона и не приезжает к школе, чтобы отвезти сына на стадион за городом. Холлинг, говоря, что не хотел бы стать похожим на отца, использует слова из монолога Гамлета: «...я хочу проверить, смогу ли... ополчась на море смут, сразить их противоборством». На что миссис Бейкер замечает: «Это удастся немногим. Даже Гамлет никак не мог решиться» [Там же, с. 381].

Наблюдая за семейными отношениями, в которых мать берет за правило не возражать отцу, а после бегства из дома сестры Холлинга Хизер все стараются тщательно и осторожно подбирать слова, чтобы не затронуть болезненную тему, Холлинг довольно тонко рассказывает о своих переживаниях, в чем помогает ему Шекспир: «По-моему, именно так общались Клавдий, Гертруда и Гамлет. О чем вообще можно разговаривать, если

постоянно прикидываешь, что думаешь остальные и понимают ли они, что ты думаешь о том, о чем вовсе не должен думать?» [Там же, с. 375].

Оценка Холлингом этого шедевра Шекспира еще по подростковому категорична, поскольку произведение не совсем ему по возрасту. Преодолевая трудности чтения, он вырабатывает новую читательскую стратегию: «Пьеса – жуткая тягомотина, даже “Ромео и Джульетта” повеселее. Призрак, конечно, хорош, и могильщики тоже, но если у тебя в героях – человек, который мало делает и много говорит, единственный способ это показать – написать для него много слов. А читать-то скучно. Поэтому, стоило мне наткнуться на какой-нибудь монолог Гамлета, а заодно и Полония, да и вообще на любой длинный текст, я его быстренько перескакивал. И, по-моему, ничего важного не пропустил. И так все понятно». Такой способ чтения не находит поддержки Мирил: «Я пропускаю только скучное». – «Откуда ты знаешь, что скучное, если ты туда даже не заглядываешь?» [Там же, с. 375]. И уж тем более его не может поддержать и одобрить миссис Бейкер, которая утверждает, что в этой «самой великой из всех шекспировских пьес, ничего скучного нет», и советует прочитать все подряд, поскольку не может быть скучным поиск человека, который в собственной семье не может найти, кому бы мог доверять.

Именно это учитель советует Холлингу примерить на себя: «Что бы вы сами, вы, мистер Вудвуд, сделали в такой ситуации?» [Там же, с. 376]. Размышления над этим вопросом помогают Холлингу взять верный тон в семейном конфликте, связанном с сестрой.

Загадка Гамлета представляет-ся Холлингу поначалу возрастным гормональным сдвигом и состоит примерно в следующем: «Похоже, к восьмому классу с людьми что-то случается. И все они становятся придурками. словно в каждом просыпается ген брата Дуга Свитека. Может, именно это и случилось с Гамлетом, принцем датским? У него и имечко странное, похоже разом на “омлет” и на “галету”, и с мозгами явно неполадок» [6, с. 369].

Глубину трагедии Холлинг чувствует, читая ее, по совету миссис Бейкер, «внимательно, не пропуская монологов» и переживая отсутствие сбежавшей из дома от тираннии отца сестры, понимая и чувствуя «без нее так пусто». Для него Хизер «совсем как Гамлет, который больше всего хотел обрести родной дом, настоящий дом с родными людьми, потому что без дома он не мог найти себя» [Там же, с. 394].

У каждого возраста есть свои возможности прохождения в глубинную шекспировского текста. Учитель находит нужную подсказку к тому, что может быть пережито и присвоено читателем-подростком при чтении этой великой трагедии. Без необходимых комментариев и акцентов юный читатель вряд ли сможет хоть в какой-то степени ее освоить. Необходимые комментарии и вопросы, связанные с текстом «Гамлета», которые стоит обсуждать с читателями школьного возраста, предложены и в учебном пособии, написанном для среднего профессионального образования [4, с. 521–527].

По-новому для Холлинга звучат и слова из «Много шума из ничего», которые в начале учебного года миссис Бейкер дала ему для синтаксического разбора предложения:

Мы не даем цены тому, что наше,
но стоит только потерять – и вдруг
откроем в нем прекрасного так много,
что нет утраченному и цены.

Пер. с англ. А. Кронеберга
[6, с. 35, 390]

«В тот вечер я впервые понял: я очень люблю сестру. И даже не знаю, чего мне больше хочется: чтобы она вернулась домой или чтобы нашла себя или что уж она там, в Калифорнии, ищет» [Там же, с. 390].

С освоением «Много шума из ничего» (Холлинг считает, что «эта комедия вообще ни в какие ворота не лезет») связано формирование представления подростка о том, что шекспировская комедия не всегда призвана смешить. А вот оценка ее Холлингом насмешить может: «Уж не знаю, для чего Шекспир написал “Много шума”, но шум этот даже не забавный. Ну разве пара строк тут, пара там. Все остальное довольно мраченько. И придурков в этой комедии хватает. Например, Клаудио с Геро даже до Ромео с Джульеттой не дотягивают, а те, как вы помните, большим умом не отличались. <...> Она, значит, померла, Клаудио сохнет и чахнет на ее могиле, потом она оживает, и они снова любят друг друга. Конец. Сюжетец – просто зашибись» [Там же, с. 413].

В отношении сестры Холлинг совершает еще один взрослый мужской поступок, превосходящий по зрелости решения примирения с Мирил. Пока отец кричит на кухне, что не сделает навстречу дочери, которой нужна помощь, ни шагу, мальчик берет деньги у матери и отправляется за сестрой в Нью-Йорк, и Хизер признается, что боялась не обнаружить Холлинга на вокзале, выйдя из автобуса. Он оказывается единственным

в семье, к кому Хизер могла обратиться, попав в сложную ситуацию, и проявившим мудрость, любовь и великодушие. Кстати, спасает сестру Холлинг уже во второй раз. Первый был, когда он, рискуя собой и получив серьезный ушиб, вытолкнул ее из-под поехавшего юзом на льду школьного автобуса, о чем написали в местной газете.

Когда по возвращении детей домой отец задает дочери безжалостный вопрос: «Ну что, нашла себя?» – в воцарившейся тишине взрослеющий Холлинг отвечает: «Она нашла меня» [6, с. 405]. И эта реплика звучит по-шекспировски метафорично и емко, обнаруживая и понимание сестрой надежности младшего брата, и готовность Холлинга утверждать любовь и противостоять жестокосердию. К тому же за этими словами стоит важное человеческое братское и сестринское перерождение друг друга. Именно через подсказанный учителем ход подросток постигает на ему понятном уровне глубину шекспировского текста через семейную драму и замечает, что мать, продолжая не возражать отцу, перестает готовить обожаемые им бобы и принимать участие в ежевечерних автомобильных прогулках, на которые отец теперь отправляется один. Холлинг учится понимать, что в художественной условности все не так, как в жизни. Он говорит, что «не надо быть Шекспиром, чтобы понимать, что в жизни люди разлюбляют друг друга постепенно, не вдруг». Он понимает важные вещи, в числе которых оказывается необходимость относиться к человеку внимательно, умение прощать, оказывать поддержку, быть великодушным и всегда равнодушным и деятельным: «Жизнь – не сахар. Иногда человек в реальной жизни, как... Гамлет. Слегка напуганный.

Неуверенный в себе. Немного сердитый. Человек мечтает изменить то, что на самом деле изменить не в силах. Тогда он начинает мечтать, чтобы оно как-то само собой изменилось. Но это вообще глупость. Само ничего не делается, никогда» [Там же, с. 414].

Его оценка великой шекспировской трагедии звучит в чем-то еще поверхностно, она воспринимается им как «дурной детектив, в котором все пыряют друг друга» (так в оценке миссис Бейкер он воспринимал и «Ромео и Джульетту»), но при этом в главном ее суть понимается очень глубоко. В нее он вписывает открывшиеся для него на новом уровне отношения с сестрой: «В конце трагедии “Гамлет” на сцене громоздится гора трупов: Лаэрта закололи, королеву отравили, короля тоже отравили и закололи в придачу. Ну и с Гамлетом, в сущности, то же самое. Горацио, конечно, надеется, что ангелы прилетят и споют Гамлету, чтобы он почил с миром, но я сомневаюсь. Не видать ему мира даже после смерти. Может, он это понимал. Может, поэтому и одевался в черное. Может, поэтому и не смел быть счастливым. Искал себя не там, где надо. Или просто рядом не оказалось человека, который бы подсказал, что искать себя вовсе не нужно. Нужно, чтобы тебя нашли. Думаю, об этом нам и хочет рассказать Шекспир в этой пьесе. Так он приоткрывает нам, что значит стать человеком» [Там же, с. 405].

Таким образом, повесть Гэри Шмидта показывает, что чтение Шекспира школьником может стать «пищей для души и ума, если таковые имеются» [Там же, с. 83]. Далеко не всем персонажам повести это пошло бы на пользу. Такого чтения нужно оказаться достойным.

Библиографический список

1. *Сэлинджер Дж.* Над пропастью во ржи / пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. М., 2008.
2. *Черноземова Е.Н.* Нужен ли Шекспир в школьной программе // XXVI Пуришевские чтения. «Шекспир в контексте мировой художественной культуры» / отв. ред. Е.Н. Черноземова. М., 2014. С. 33–37.
3. *Черноземова Е.Н.* Характеристика дана студенту Виттенбергского университета принцу Гамлету: Гамлет в восприятии российских школьников // Программа и сборник аннотаций докладов Международной научной конференции «XXV Шекспировские чтения 2014: Шекспир в русско-английском культурном диалоге». URL: <https://world-shake.ru/ru/news/4647.html> (дата обращения: 27.09.2022).
4. *Черноземова Е.Н.* «Гамлет» У. Шекспира // Произведения зарубежных писателей XVII–XX вв.: учебник для ссузов. М., 2005. С. 521–527.
5. *Черноземова Е.Н.* «Уснуть и видеть сны»: функция сна в «Ромео и Джульетте» Шекспира // Всемирная литература в контексте культуры: XV Пуришевские чтения. К 100-летию Б.И. Пуришева. М., 2003. С. 305–308.
6. *Шмидт Г.* Битвы по средам / пер. О. Варшавер. М., 2019.

References

1. Salinger J.B. Nad propastyu vo rzhi [The Catcher in the Rye]. Transl. from English by R. Rajt-Kovaleva. Moscow, 2008.
2. Chernozemova E.N. Should Shakespeare be in the curriculum? XXVI Purishevskie chteniya. «Shekspir v kontekste mirovoj hudozhestvennoj kultury». E.N. Chernozemova (ed.). Moscow, 2014. Pp. 33–37. (In Rus.)
3. Chernozemova E.N. The characteristic is given to the student of the University of Wittenberg Prince Hamlet: Hamlet in the perception of Russian schoolchildren. *Programma i sbornik annotacij dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «XXV Shekspirovskie chteniya 2014: Shekspir v rusско-anglijskom kul'turnom dialoge»*. URL: <https://world-shake.ru/ru/news/4647.html> (In Rus.)
4. Chernozemova E.N. “Hamlet” by W. Shakespeare. *Proizvedeniya zarubezhnykh pisatelej XVII–XX vv.* Moscow, 2005. Pp. 521–527. (In Rus.)
5. Chernozemova E.N. “To sleep and dream”: The function of sleep in “Romeo and Juliet” by Shakespeare. *Vsemirnaya literatura v kontekste kultury. XV Purishevskie chteniya. K 100-letiyu B.I. Purisheva.* Moscow, 2003. Pp. 305–308. (In Rus.)
6. Shmidt G. Bitvy po sredam [Wednesday battles]. Transl. by O. Varshaver. Moscow, 2019.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022, принята к публикации 10.11.2022

The article was received on 30.09.2022, accepted for publication 10.11.2022

Сведения об авторе / About the author

Черноземова Елена Николаевна – доктор филологических наук; профессор кафедры всемирной литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Elena N. Chernozemova – ScD in Philology; Professor at the World Literature Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: chernozem888@yandex.ru